

година у Шеноа не было), Шеноа приходит к выводу, что Бан не сумел воспроизвести «возвышенный драматический конфликт», присущий этой повести, и упрекает Бана за то, что он не убедительно мотивировал действия Ивана III и лишил его образ величия: «Исторический Иван, которого Бан мог идеализировать или хотя бы окружить его демоническим ореолом, был лучшим, более возвышенным человеком, а в трагедии это — отвратительное существо, и совсем не драматический характер».¹³

По мнению Шеноа, в трагедии Бана плохо мотивируются и поступки Марфы Посадницы. Хорватский критик, упоминающий в начале своей статьи перевод Кукулевича («prigovijetka, koju je naš Ivan Kukuljević pohrvatio»), по-видимому, читавший, однако, и оригинал Карамзина, ставит повесть «Марфа Посадница» выше произведения Бана: «Карамзин описал в своей истории Марфу Борецкую очень пристрастно, описал ее как царский историк, но зато нарисовал ее в своей повести „Марфа Посадница“ <...> прекрасно, как чудесную защитницу вольности. Куда лучше было бы Бану следовать примеру этой повести не только в связи с Марфой, но и в самом конфликте».¹⁴

«Пусть нас никто не упрекает, что мы здесь выступаем в духе абсолютизма, — пишет Шеноа, комментируя личность Ивана III по «Истории государства Российского», — мы не выражаем здесь свои взгляды, которые остаются свободолюбивыми, но излагаем исторические события, развивающиеся всегда по своим постоянным законам».¹⁵ А. Шеноа в своей статье о «Марфе Посаднице» Бана спустя тридцать лет после перевода повести Карамзина все еще высоко оценивал карамзинское произведение и обаятельный образ Марфы («С какой пылкостью, как остроумно говорит карамзинская Марфа народу!»), но одновременно, осуждая Бана, подходил уже вплотную к взглядам критика-реалиста, отвергающего во имя психологической достоверности и историзма не только неумелое построение трагедии Бана, но и традиции первоначального периода развития хорватской литературы.

¹³ Hrvatska književna kritika, I. Zagreb, 1950, стр. 203.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 199.